

дей, находившихся въ манежѣ. Одна изъ нихъ ударила Лермонтова въ ногу и разбила ему ее до кости. Его безъ чувствъ вынесли изъ манежа. Долго лежалъ онъ потомъ больнымъ въ квартирѣ бабушки. Лермонтовъ поправился, но потомъ всю жизнь едва замѣтно прихрамывалъ. Онъ вообще любилъ искать сходства между собою и Байрономъ. Легкая храмота подавала ему поводъ еще болѣе сближать себя съ любимымъ поэтомъ.

Другая сторона школьной жизни была еще печальнѣе. Умственные интересы въ школѣ были слабы; за то юнкера любили разнаго рода нескромныя пѣсни и стихотворенія. Лермонтовъ и тутъ не хотѣлъ отстать отъ товарищей: для ихъ забавы онъ создавалъ произведенія въ ихъ вкусѣ. Такъ появилась его „Уланна“, „Петергофскій праздникъ“, „Госпиталь“ и другія его литературныя упражненія, создавшія ему славу „новаго Баркова“. Эти произведенія принесли автору не мало вреда: юнкера, покидая школу и поступая въ гвардейскіе полки разнесли въ спискахъ эту литературу въ холостые кружки „золотой молодежи“ нашей столицы — и такимъ образомъ первая литературная слава Лермонтова была для него самая невыгодная. Биографъ его замѣчаетъ: „Когда затѣмъ стали появляться въ печати его истинно-прекрасныя произведенія, то званіе Лермонтова по печальной репутациі зрѣтическаго поэта негодовали, что этотъ гусарскій корнетъ „смѣлъ выходить на свѣтъ со своими твореніями“. Бывали случаи, что сестрамъ и женамъ запрещали говорить о томъ, что онѣ читали произведенія Лермонтова; это считалось компрометирующимъ. Даже знаменитое стихотвореніе „На смерть Пушкина“ не могло изгладить этой репутациі, и только въ послѣдній прїездъ Лермонтова въ Петербургъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ его смертью, послѣ выхода собранія его стихотвореній и романа: „Герой нашего времени“, пробилась его добрая слава.“

Правда, Лермонтовъ во время пребыванія своего въ школѣ немного написалъ; но все же нельзя сказать, чтобы истинная поэзія была имъ забыта: онъ перѣдко уединялся, уходилъ отъ „лихихъ“ юнкеровъ и предавался своимъ любимымъ мечтамъ и занятіямъ. Такъ, въ школѣ написана была имъ поэма:

„Хаджи - Абрекъ“ Мы уже знаемъ, какъ онъ любилъ Кавказъ, воспоминаніями о немъ и была вызвана упомянутая поэма. Она была первымъ его напечатаннымъ произведеніемъ.

Лермонтовъ не имѣлъ въ виду ее печатать; но одинъ изъ товарищей его, Николай Юрьевъ, тайкомъ отъ него отнесъ ее Сенковскому (вѣроятно, въ снятой имъ копіи). Поэма понравилась, и Сенковский напечаталъ ее въ „Библіотекѣ для чтенія“ за подписью автора.

Тутъ кстати сказать, что Лермонтовъ не торопился выступать въ свѣтъ съ своими произведеніями: онъ, очевидно, не довѣрялъ себѣ. Иногда онъ ихъ передѣлывалъ — и даже по нѣскольку разъ, какъ напр. поэму „Демонъ“; иногда же, признавъ произведеніе слабымъ, онъ, повидимому, не думалъ объ немъ больше, и только бралъ изъ него нѣкоторыя мѣста для произведеній новыхъ. Этимъ и объясняется, почему во многихъ твореніяхъ Лермонтова мы находимъ повторяющіяся мѣста. Такъ, напримѣръ, въ „Хаджи - Абрекѣ“ встрѣчаются строфы изъ „Каллы“, изъ „Аула - Бастунджи“ и изъ „Измаиль - Бея“.

Въ школѣ же написано Лермонтовымъ и знаменитое стихотвореніе его: „Бѣлѣтъ парусъ одинокій“, написанное на берегу моря, вѣроятно въ Петергофѣ. Стихотвореніе это заключаетъ въ себѣ одинъ изъ основныхъ мотивовъ Лермонтовской поэзіи: его „меланхолическую кручину“.

Уже въ школѣ замѣтно сказались любовь Лермонтова къ остроумію и насмѣшкамъ. Онъ любилъ подмѣчать смѣшное въ другихъ, но зато не обижался, когда и на его счетъ произносили острое слово. Мало того: подчасъ онъ трунилъ самъ надъ собою. Такъ однажды онъ изобразилъ самого себя въ карикатурѣ, въ шинели въ рукава поверхъ мундира и гусарскаго ментика. Костюмъ этотъ придавалъ смѣшной видъ его сутуловатой, широкоплечей и невысокой фигурѣ. Самъ же онъ потѣшался и надъ даннымъ ему товарищами прозвищемъ: „Маѣшка“. Въ школѣ рѣдкій изъ юнкеровъ не имѣлъ прозвища: одного (Поливанова) называли „Лафа“, другого (кн. Іос. Шаховскаго) за большію нось величали „Куркомъ“, Алексѣя Столыпина звали „Монго“. Прозваніе Лермонтова взяли изъ одного французскаго романа, гдѣ выведенъ горбушъ „Maueux“.